

18+

МИХАИЛ ПАНФЕРОВ

Язвы долины Мегиддо

УТОПИЯ В ДЕВЯТИ ЗАПИСЯХ
С ЭПИЛОГОМ

Михаил Панферов
Язвы долины Мегиддо. Утопия
в девяти записях с эпилогом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38977207

ISBN 9785449361516

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Странная эпидемия чумы в столице Византийской империи, благополучно дожившей до наших дней, летопись катастрофы и чудесное спасение, которое привело к совершенно непредсказуемым последствиям. Все это и многое другое в новой фантастической повести М. Панферова – «Язвы долины Мегиддо».

Содержание

Запись первая. Индикта 11, мая 5, 17.35	6
Запись вторая. Мая 6. 5.30 утра	14
Запись третья. Мая 6. 17.00	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Язвы долины Мегиддо

Утопия в девяти

записях с эпилогом

Михаил Панферов

Нет ничейной земли, но есть земля цветов и злаков, земля деревьев и зверей, земля труда и любви – человеческая Земля. Мир, звучащий миллионами звуков. Нет, он совсем не нем – он может сказать все, что хочет, он вовсе не глух – он услышит каждое слово добра и правды. И то, что должно говорить, – говорит, и что должно петь, – поет, и что должно звенеть, – звенит, и даже то, что должно шептаться, – шепчется... Мне хочется проснуться и подойти к окну, открытому в такой мир, и сказать так, чтобы это услышали народы и каждый человек в отдельности:

– Доброе утро, люди!

Ольга Берггольц: «Дневные звезды».

Картина М. Панферова «Утро Иосафата» Оформление обложки

© Михаил Панферов, 2020

ISBN 978-5-4493-6151-6

Запись первая.

Индикта 11, мая 5, 17.35

Просто город сошел с ума. Как бы это объяснить тем, кто не знает? Это... инфекционное безумие. Оно передается воздушно-капельным путем и через укусы каких-то особенных блох. Зак называет их ксенопсилла Хеопса или Рамзеса, я точно не помню. Конечно же, они приняли меры. Организовали раздачу респираторов и этих дурацких водолазных очков, открыли в городской больнице изолятор, устроили пункты профилактической вакцинации: – тогда они еще думали, что имеют дело с чем-то другим, а сейчас окружают город стеной из пластика. Тут уж будет все как полагается: колючая проволока под током, вышки, солдатики в костюмах химзащиты с автоматами наперевес... Только непонятно, зачем все это? От кого они пытаются отгородиться? От нас или от самих себя? Зак говорил, что химзащита от вируса помогает плохо. Пройдет еще немного времени, и эпидемия вспыхнет сначала в их гарнизоне, а потом уже по всем окрестностям, по всей стране. Единственный выход – бежать. Как в средние века бежали от чумы. Кое-кому это удалось; мы – и пробовать не хотим. Да даже если бы и хотели, кто нас выпустит из карантинной зоны? Мы что, особы, приближенные к императору? Автоматная очередь на подходе

к кордону – вот все, на что мы можем рассчитывать...¹

Не думаю, что у меня есть какой-то литературный талант. Да и не писал я никогда ничего кроме писем, но кто-то же должен быть здесь... хронистом что ли? Писать летопись. Зак говорил, это очень важно: что-то делать и ощущать значимость этого дела. Тогда можно спастись. Конечно, скорее всего, врет он все, просто его очередные сектантские штучки, но я, все-таки, решил писать. Верю? Не знаю, не знаю. Хотя, почему-то ведь я все еще здоров... или почти здоров?..

Как все это началось? Зак объяснил бы все гораздо лучше, но раз уж я обещал, придется самому.

Сначала нужно сказать, кто такой Зак. Это Захария Агафангел – мой одноклассник. Не скажу, чтобы мы в школе были закадычные друзья. Наоборот, я его даже совсем тогда не знал. Просто учился в нашем классе странный мальчик: замкнутый, незаметный, постоянно мыл руки из-за какой-то своей болезненной чистоплотности. А еще он был рыжий. В школе таких обычно бьют, но его не трогали, потому что половина класса списывала у него контрольные.

После школы я о нем сразу забыл, но лет через десять неожиданно услышал знакомое имя. Газеты, телевидение... Захария Агафангел – крупнейший в мире, и самый молодой специалист по микробиологии. Международные конгрессы, выдвижение на нобелевскую премию... Хотя, нобелевскую

¹ Блоха *Xenopsylla cheopis* – основной переносчик бактерии *Yersinia pestis*, т.е. чумной палочки.

ему не дали. Дали какому-то русскому: вроде бы комитет посчитал открытие Зака сомнительным. В то время о нем плели много всякого вздора, вплоть до того, что он как будто изобрел эликсир бессмертия... ему пришлось даже выступить с публичным опровержением. Опровержению вроде бы поверили, но с тех пор к нему крепко прилипла кличка Фауст. А еще через пять лет в его жизни что-то такое произошло, что он... словом, он забросил свою лабораторию, свой всемирно известный институт, и стал священником. Странным священником. Как говорится, себе на уме. Сам я далек от религии, и уж тем более не знал тогда, что он там плел своим прихожанам. Вот только, не прошло и года, как его обвинили в какой-то там ереси и выперли из священников. Громко, со скандалом. Об этом тоже писали все газеты. Церковники призывали его одуматься, но он не хотел. Даже наоборот. У него была горстка последователей, человек двадцать: с ними он и основал свою секту. Церковь Конъюнкции она называлась. Теперь я о ней знаю уже много, а тогда, мог судить только по газетным заметкам. В газетах писали, что он в своей секте зомбирует людей, чтобы выманить у них деньги, растлеивает малолетних девочек, практикует какие-то там ритуальные убийства и прочее. Чушь, конечно. Я еще тогда был уверен.

Когда церковь Конъюнкции признали опасной и официально запретили в нашей стране, Зак ушел в подполье. Он своей сектой так, почему-то, насолил правительству, что его

заочно приговорили к расстрелу. Назначили за его выдачу десять тысяч иперпиров вознаграждения, но все без толку. Бывшего микробиолога как будто и след простыл, но секта-то действовала! По городу расклеивали воззвания, ходили люди, раздавали книжки. Людей этих, конечно, ловили, книжки конфисковывали, но полиции от этого было не легче. Эти люди, либо, и вправду ничего не знали, либо, слишком уж хорошо умели молчать...

И чего тогда только не говорили о бедном Заке! Вокруг его имени всегда гордили всякую околесицу, но тут уже дошло до того, что из полубога, знающего тайну бессмертия, он превратился в этакого буку, которым пугают маленьких детей. Антропофаг, одиознейшая фигура современности, антихрист... Так о нем писали все эти газетенки, а сплетники повторяли эти слова взახлеб, да еще и приукрашивали в меру своей фантазии. Домохозяйки, которые раньше ничего знать не хотели, кроме цен на тряпки и своих убогих сериалов, теперь стали считать хорошим тоном, обсудить за обедом, какое Зак чудовище и сколько он давеча замучил младенцев. Их мужья за рюмочкой коньяку ни в чем им не уступали...

Одним словом, вся эта свистопляска продолжалась аж до апреля нынешнего года. Она продолжалась бы и дальше, но тут о Заке резко забыли. И я тоже забыл. Стало не до него: в городском зоологическом саду умер верблюд по имени Геракл. Скажут, ну и что тут такого? Все смертны и верблюды

не исключение, только вот умер он как-то странно. На это обратили внимание еще служители, которые его хоронили. Кажется, их было трое. А меньше, чем через неделю, всех троих отвезли в инфекционное с ознобом и кровавой рвотой. Потом на улицах стали находить мертвых крыс. Одним, конечно, было все равно. Другие, как всегда пеняли на епарха города за нерадивое отношение к коммунальному хозяйству: где дворники? Развели, понимаешь, антисанитарию! А так, крысы и крысы. Мало ли, какая мерзость иногда на свет божий выползает. Вот, прошлым летом, например, весь город был усыпан дохлыми майскими жуками. Откуда они взялись в таком количестве – никто не знает. А тут крысы... да мало ли?

Только вот главный санитарный врач диоцеза оказался о крысах другого мнения. По-моему, именно от него мы в первый раз услышали это дикое словцо, прямо из средневековья: . Чего он только нам не поведал во время своего выступления по телевизору! Оказывается, этот древний вирус, как жил себе, так и до сих живёт пор в каких-то земляных амебах. Мол, никуда он не исчезал и даже не собирается, потому что по статистике ежегодно в мире чумой заболевают аж две с половиной тысячи человек. В природе она регулирует численность грызунов, а человеку передается через укусы блох, которые жили на зараженных животных. Чумная палочка быстро размножается в крови человека, потому что наши белые кровяные тельца чем-то похожи на ее при-

родную среду обитания – на одноклеточных амеб. Дальше заражение происходит воздушно-капельным путем. *чума*

Еще он сказал, что на тот момент в нашем городе насчитали уже шесть случаев заражения бубонной чумой и один легочной: «В городе объявляется карантин: все городские порты вокзалы, детские сады, школы, университеты, публичные учреждения, кроме больниц, будут закрыты. Всем иностранным и местным судам запрещено покидать акваторию. Но причин для паники нет: при своевременном терапевтическом вмешательстве чума полностью излечима. Если еще в прошлом веке смертность была почти стопроцентной, то сегодня она составляет всего пять-десять процентов. Опять-таки, наши аптечные склады в достаточном количестве располагают всеми необходимыми антибиотиками». И тут посыпались эти волшебные слова: сыворотка Хавкина, стрептомицин, дигидрострептомицин, левомицитина сукцинат, бисептол, и тому подобное.

Слова о пяти-десяти процентах, конечно, настораживали, но каждый, по-моему, не сомневался, что уж он-то, среди этих процентов никак не окажется: «средние века давным-давно кончились, к тому же » *«наши аптечные склады...»*

Мы все поверили в антибиотики как в бога. Раствор стрептомицина стали продавать в аптеках в маленьких скляночках по по фоллию за штуку для личной профилактики. Раскупался он немедленно, к тому же за такие-то гроши!

Врачи, которые выступали по телевизору, советовали обрабатывать этим раствором слизистые оболочки глаз, рта и носа, но наши горожане его чуть ли не пили. Я слышал, что его даже стали освящать в церкви и использовать вместо святой воды. Представляю себе: толпа богомольцев в двухслойных марлевых платках, в очках и респираторах, и поп в противочумном костюме, который кропит их с стрептомицином!

Над форумом Константина повесили большущую растяжку: «Профилактика прежде всего!» Мы это восприняли как руководство к действию и только одной профилактикой и занимались. Раствор стрептомицина, пункты обязательной вакцинации, это, конечно, само собой. Но были и те, кто вспомнил старый дедовский метод: жег дома, отправленных в изолятор. Полиция таких поджигателей ловила, да что толку?..

Почти никто тогда запрещенных сектантских брошюрок не читал. А на отдельные робкие заявления двух-трех врачей, что в городе не чума, а, скорее, какая-то, – эпидемия неизвестного науке вируса, все только руками махали: «Враки. Брехня. Ничего они не понимают: наши антибиотики – наше спасение»! *античума*

В антибиотики поверили все. А когда веры малость поубавилось, было уже поздно. Наш горожанин надевал респиратор, очки, шел в церковь, чтобы его окропили святым стрептомицином, потом на пункт вакцинации, а через пару дней падал в лихорадке. Его начинало рвать кровью, кровь начи-

нала сочиться у него через поры. За ним, конечно, сразу приезжали санитары, которых у нас какой-то шутник переименовал в божедомов, и увозили в изолятор. Там ему кололи по три грамма в сутки стрептомицина и по четыре тетрациклина, делали какое-нибудь переливание плазмы и, что у них еще там бывает, – да все без толку. Ему становилось только хуже и хуже: бедолага уже себя не помнил, только слабо стонал и гнил заживо. А когда эскулапы умывали руки, не сомневаясь, что до утра пациент не доживет, он неожиданно вставал с постели. И никаких у него бубонов, никакой лихорадки, никакого кровавого пота, – ничего. Абсолютно здоровый человек. Чудо, да и только. И тут начиналось самое странное <...>

Запись вторая. Мая 6. 5.30 утра

Этот конверт я нашел в почтовом ящике. Говорили, что логофета Дрома забрали в изолятор, а почту закрыли, чтобы зараза с письмом не вышла за городские стены. А тут – узкий конверт из голубоватой бумаги, фиолетовые штемпели... Все как в старые добрые времена. Беглый неразборчивый почерк с сильным наклоном влево. Адрес моей новой квартиры. Обратный адрес: Институт Микробиологии и Вирусологии ЕИВ Академии Наук.

Я тогда еще подумал: при чем тут? Может, ошиблись? Может, это не мне? Но нет, все точно: Никифору Пистису, Малый Золоторожский переулок, дом 33, квартира 6. Я, наверное, с минуту тупо пялился на этот конверт, а потом, все-таки, надорвал. Внутри оказался прямоугольник плотного розового картона с золотой виньеткой по краям:

Такое вот письмо. Может, это бред? Может, я болен? Но нет, письмо и не думало растворяться в воздухе. Несколько раз перечитал и все равно не мог понять, как? Может, пошутил кто-то? Да, скорей всего, потому что... Конечно, из-за этой проклятой эпидемии весь город выбился из колеи. Но полиция-то работает! Пускай, полицейские оделись в противочумные костюмы и стали похожи на пингвинов, но эти пингвины-то, ведь ходят по улицам! А тут, человек, которого ищет полиция всей страны, собирается на глазах

у всех, в лучшем ресторане города отмечать свой день рождения. Да и ресторан... Какой к чертям ресторан, если никто без респиратора и за порог не выходит? Теперь все позакрывалось. На дверях магазинов и-то висят замки... чушь какая-то!

Я бросил письмо в ящик стола, чтобы о нем больше не вспоминать, но тут подумал, что третье мая уже сегодня, а до четырех остается всего три часа. От этой мысли стало не по себе. Я опять достал письмо и еще раз перечитал. Взгляд задержался на самой первой строчке: «» И тут у меня задрожали руки. Я уронил картонный прямоугольник на пол.
Уважаемые г. г. Никифор и Кора Пистис...

Кора – это моя жена. Мы десять лет просидели за одной партой и поженились сразу после школы. А полтора месяца назад расстались. Точнее, если уж говорить честно, я ее бросил. Из-за чего? В общем, у нас не было детей. Из всех этих запутанных врачебных объяснений я так толком и не понял, по чьей вине. Но дело не в этом. Я ее любил. Сильно, по-настоящему, но бросил. Да еще так жестоко и гадко, что лучше не вспоминать. Она плакала. Она спрашивала, «за что?», а я только цедил сквозь зубы, что устал. Она говорила, что так бывает, что нам стоит не видеться пару недель, может, месяц, и это пройдет, все опять станет как раньше, но я не соглашался. Кора напоминала мне собачонку, которую хозяева вышвырнули на улицу: меня почти тошнило от ее жалкого, измученного вида. А когда совсем стало невмоготу, назвал

ее бесплодной шлюхой, – никогда не думал, что скажу ей такое, – собрал вещи и ушел.

Я снял квартиру без телефона в Генуэзском квартале Петры, но она откуда-то узнала мой новый адрес. Пришла. Звонила, кричала, всхлипывала там за дверью, а я сидел, боясь пошевелиться, и делал вид, что меня нет дома. Потом слышались удаляющиеся шаги. Больше я ее не видел.

Как такое могло случиться? Не знаю. Помню только, что перед этим Подолгу смотрел на нее, как на картину: ей даже неловко становилось от моего взгляда, но, когда закрывал глаза, не мог уже ничего вспомнить. Точнее, постепенно, лицо Кору в моей памяти вытеснило лицо другой женщины. Я никогда ее не видел и вряд ли когда-нибудь встречу. Скорее всего, ее вообще никогда не было. *забыл ее лицо.*

У Кору черные вьющиеся волосы и смугловатая кожа. Та женщина была светло-русой. У нее было бледное лицо и голубые глаза. Такие глаза бывают у мадонн и ангелов на итальянских фресках. Иногда она говорила со мной. Это были обычные слова, но какие-то стершиеся, что ли, обесмысленные... мне казалось, она куда-то меня зовет, но я не понимал, куда. Или боялся это понять, не знаю.

Согласен, слишком смахивает на бред. Не спорю. Говорю же, сам не знаю, что это было. Хорошо еще, все быстро прошло. Больше не хотелось думать о той женщине. Да и о Коре, тоже. Мне было пусто. Я ничего не чувствовал, как будто в мозг и в сердце впрыснули по шприцу новокаина.

И вот, строчка письма вывела меня из ступора: «» Нагнулся, чтобы поднять с пола приглашение, но тут ноги стали как будто ватными, пришлось сесть. Что-то туго стянуло кожу бельевой прищепкой ровно посередине груди Почему-то мне сразу это стало ясно. Оно мешало дышать. Я не знал, какое это предчувствие, хорошее, дурное, мог его только физически испытывать: сейчас должно что-то произойти. Что? Я не знал. Просто сидел, и пытался подобрать с пола письмо Зака рукой. Так никелированная клешня в игровом автомате пытается неуклюже схватить плюшевого зайца, который лежит поверх горы других таких же игрушек. Она уже зацепила заячий хвост: еще секунда, и глупая плюшевая кукла будет в твоих руках, но тут заяц выскользывает, и ты должен опять бросать монету и все начинать заново <...> *Уважаемые г. г. Никифор и Кора Пистис... . Предчувствие. не своей*

Как только письмо оказалось в моей руке, в прихожей запиликал звонок. Слабость и дрожь сразу прошли. Я вскочил и побежал открывать.

Кора стояла в двери и смотрела себе под ноги. С ее слипшихся волос, с мокрого плаща, текла вода. Совсем себя не бережет: хоть какую-нибудь марлеву повязку бы надела... да, и без зонтика. Дождь, кажется, сильный.

Она так стояла целую минуту, не двигаясь, а потом, молча, протянула мне размокший розовый прямоугольник:

«» <...> *Уважаемые г. г. Никифор и Кора Пистис*

«». *Уважаемые г. г. Никифор и Кора Пистис! Член-*

корреспондент ЕИВ Академии Наук, кавалер ордена св. Феодосия II степени, профессор З. Агафангел кланяется Вам и любезно просит Вас принять участие в праздновании дня своего рождения, каковое состоится 3 мая с.г., в 16.00 в ресторане „Элевтерия“: 12 район, ул. Бычий форум, 5

Запись третья. Мая 6. 17.00

Дождь хлестал жестокий. Холодный, как поздней осенью, и с градом. Добирались пешком: метро не работало, а машины не останавливались.

Кора несла в полиэтиленовом пакете подарок: лионское издание Ахилла Татия 1586 года из библиотеки моего отца. Оказывается, она недавно виделась с Заком и он просил нас прийти, потому что у него есть лекарство. Больше она ничего не сказала. Да у меня и не было настроения выпытывать. Говорить вообще было тяжело: мы молчали, чтобы не мучить друг друга. Просто шли под дождем, смотрели каждый себе под ноги и делали вид, что идем порознь. Думать о Коре было больно, как сдирать присохшие бинты: я заставлял себя думать о Заке. Что он за человек? Зачем он нас позвал, этот таинственный профессор-расстрига? Зачем <...>

Один русский поэт написал про пир во время чумы. Жаль, никто не додумался прислать ему фото с этого дня рождения: лучшую иллюстрацию к его поэме было бы трудно найти.

Мы опоздали. Все до одного были уже в сборе. Это тем более удивительно, что теперь люди перестали собираться большими группами: боялись инфекции. Чем-то все это смахивало на тайную вечерю с картины Леонардо. Во главе стола сидел рыжий респектабельный Христос Зак в лощеном

смокинге, и такой же лощенный метрдотель в марлевой маске подливал ему вина. А по обеим сторонам – двадцать восемь его учеников и учениц. Бывших учеников и учениц нашего класса. Точнее, двадцать семь: Василий Ставрофор в умер прошлом году: говорят, крепко пил в последнее время. Кажется, хлебнул какой-то дряни и отравился.

С краю пристроился Валентин Ксилокефал – когда-то первый хулиган в классе, а теперь – полицейский. Он сидел в своем синем мундире, со спущенным на подбородок респиратором, и понуро цедил вино. По виду Ксилокефала нетрудно было догадаться, что как только вечер закончится, здесь будет наряд полиции и он лично защелкнет свои браслеты на заковых запястьях. А пока ему просто не хочется портить праздник. Напротив него сидел Николай Платон, большой Ник. Его отец сделал состояние на чем-то, связанном с компьютерами, а сам он теперь большая шишка: – чуть ли не протовестиарий императора. За эти годы он почти не изменился, разве что еще больше заплыл жиром и с трудом помещался в своем пурпурном чиновничьем костюме. Только странно, почему он здесь, в зачумленном городе, если император и магистры сбежали еще в апреле? Говорят, даже епарх, и тот сбежал: сперва все они думали отсидеться во Влахернском дворце, а когда жареным запахло чуть сильнее, ушли морем в Тавриду... Большой Ник проделал дырочку в марлевой повязке и, потягивая коктейль через соломинку, пытался флиртовать с нашей первой школьной

красавицей – Ириной Гликосомой. Ее, как раз, время нещадно изменило. Ей должно было быть не больше тридцати трех, но она уже успела сильно поседеть и поблекнуть. Хоть она и старалась улыбаться по-прежнему, но это выглядело натянуто и фальшиво. Говорили, у нее в один день погибли муж и сын. Из-за чего, правда, не знаю. Рядом с Ириной обосновалась неразлучная парочка: кто бы мог подумать! – Ахилла Делия и Патрокл Адинамис и тут вместе! Даже в одинаковых клетчатых пиджачках, даже опять шушукаются без умолку между собой как на школьных переменах. С другой стороны, от них, уписывал осетра под нардовым соусом мой добрый приятель – Алексей Мегадука. Алекс. Он работал журналистом в «Эпархиальном вестнике». Это с ним мы как-то раз в детстве решили пробраться на торговый пароход и уплыть в Россию. Алекс, конечно, не надел никаких защитных средств: ел и пил без всякой опаски: я его знаю. Зато его соседка – Елена Арнеомэ – была в полном облачении: в каком-то нелепом марлевом тюрбане, в респираторе и даже в резиновых хирургических перчатках. Она сидела почти неподвижно: положила на колени руки и недоверчиво посматривала из-под стекол защитных очков на остальных своими крысиными глазками. В школе она училась лучше всех, но никому из вредности не давала списывать. Кажется, я слышал, что она <...>^{2 3}

² Градоначальник.

³ Т. е. в губернском.

Варвара Какостома – наша знаменитая сплетница. Прилетела сюда, конечно, из своего неистребимого жгучего любопытства: раскусывает оливки и смотрит, есть ли там кости младенцев, или нет <...>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.